

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ

DOI 10.37386/2305-4077-2025-2-176-192

Н. Б. Руженцева¹

*Уральский государственный педагогический
университет (Екатеринбург, Россия)*

Э. В. Будаев²

*Уральский государственный педагогический
университет (Екатеринбург, Россия)*

Е. А. Нахимова³

*Уральский государственный педагогический
университет (Екатеринбург, Россия)*

ИНТЕНСИФИКАТОРЫ КАК СРЕДСТВА УСИЛЕНИЯ ЭКСПРЕССИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ

Статья посвящена способам интенсификации экспрессивности – важнейшей текстовой категории в литературе и публицистике XXXX1 вв.

Цель статьи заключается в сопоставлении репертуара средств, усиливающих экспрессивность текста в дискурсе художественной литературы и в публицистическом дискурсе, и в определении потенциала данной категории. Авторы приходят к выводу о том, что интенсификаторы в художественной литературе – это преимущественно атрибуции (определятельные конструкции), которые выполняют изобразительно-выра-

¹ Наталья Борисовна Руженцева – доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и РКИ Института филологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: verbalis@mail.ru.

² Эдуард Владимирович Будаев – доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и РКИ Института филологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: aedw@mail.ru.

³ Елена Анатольевна Нахимова – доктор филологических наук, профессор, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и РКИ Института филологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: nakhimova@gmail.com.

зительную функцию усиления признака, действия, состояния и служат для характеристики героев, создания художественных образов, портретных, пейзажных и иных видов описаний. Интенсификаторы в художественном тексте имеют преимущественно языковую, речевую и текстовую природу. Ими могут быть не только слова со значением высшей степени признака, но и единицы синтаксического, композиционного, стилистического уровней организации текста. В свою очередь, интенсификаторы в публицистике выполняют воздействующую функцию дополнительного обоснования мнения. Интенсификация экспрессии служит для трансляции авторского мнения наряду с аргументами в защиту или опровержение тезиса. Кроме речевых средств усиления воздействующего эффекта, интенсификация последнего имеет интертекстуальную и полисемиотическую природу. Современный публицистический текст вставляется в «вертикальный контекст культуры», а воздействующий эффект определяется как вербальным, так и визуальным рядом сообщения. В целом, динамика развития категории экспрессивности определяется, прежде всего, процессами, происходящими в публицистике. Это увеличение дискретности публицистического текста (возрастание роли заголовочного комплекса и визуального ряда, имеющих дополнительные экспрессивные возможности). Кроме того, динамика развития данной категории детерминирована возросшей стилиевой свободой журналиста, смешением стилиевых систем, нивелировкой типов речи и жанровой амальгамой, а также влиянием постмодернистской манеры письма. Потенциал развития категории экспрессивности связан, по мнению автора статьи, с треш-тенденциями и стилем «гранж» в современной публицистике, а также с Интернет-дискурсом, в частности – с жанрами блога, комментария и социальными сетями. Публицистические тенденции и специфика Интернет-дискурса, несомненно, найдут свое продолжение и в литературном творчестве, которое перманентно стремится к обновлению средств выражения мысли.

Ключевые слова: русская литература, М. А. Булгаков, публицистика, текстовые категории, интенсификаторы, атрибуция, тезис

Ruzhentseva Natal'ya Borisovna

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

Budaev Eduard Vladimirovich

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

Nakhimova Elena Anatolyevna

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

INTENSIFIERS AS A MEANS OF ENHANCING EXPRESSION IN FICTION AND JOURNALISM

The article is devoted to the ways of intensification of expressivity, the most important textual category in literature and journalism of the XX–XXI centuries.

The purpose of the article is to compare the repertoire of means that enhance the expressivity of the text in the discourse of fiction and journalistic discourse, and to determine the potential of this category. The authors conclude that intensifiers in fiction are mainly attributions (definitional constructions) that perform the visual and expressive function of enhancing a feature, action, state and serve to characterize characters, create artistic images, portrait, landscape and other types of descriptions. Intensifiers in a literary text are primarily linguistic, speech, and textual in nature. They can be not only words with the meaning of the highest degree of a feature, but also units of syntactic, compositional, and stylistic levels of text organization. In turn, intensifiers in journalism perform the influencing function of additional substantiation of opinion. The intensification of expression serves to broadcast the author's opinion along with arguments in defense or refutation of the thesis. In addition to speech means of enhancing the influencing effect, the intensification of the latter has an intertextual and polysemiotic nature. A modern journalistic text is inserted into the "vertical context of culture," and the impact is determined by both the verbal and visual range of the message. In general, the dynamics of the development of the category of expressivity is determined primarily by the processes taking place in journalism. This is an increase in the discreteness of the journalistic text (an increase in the role of the title complex and the visual series, which have additional expressive possibilities). In addition, the dynamics of the development of this category is determined by the increased stylistic freedom of the journalist, the mixing of stylistic systems, the leveling of speech types and genre amalgam, as well as the influence of the postmodern style of writing. The potential for the development of the category of expressivity is associated, according to the author of the article, with trash trends and the style of "grunge" in modern journalism, as well as with Internet discourse, in particular, with the genres of blog, commentary and social networks. Journalistic trends and the specifics of Internet discourse will undoubtedly find their continuation in literary creativity, which is constantly striving to update the means of expression of thought.

Keywords: Russian literature, M. A. Bulgakov, journalism, text categories, intensifiers, attribution, thesis

Экспрессивность текста определяется как категория, «которая совершается именно при создании текста путем выбора говорящим (или пишущим) определенных языковых средств, в которых «запрограммирован» эффект экспрессивности» [Телия, 1987, с. 15–16]. В свою очередь, мысль о том, что «сочетание усиленной выразительности с усиленной изобразительностью есть не что иное как экспрессия в наиболее распространенном значении этого слова» [Хаззагеров, 1999, с. 174], детерминирует и тот факт, что чаще всего средством создания экспрессивности считают систему традиционных изобразительно-выразительных средств языка. Экспрессивность проявляется на фоне нейтральных высказываний и неотделима от категорий эмотивности и оценки [Болотнова, 1999, Шаховский, 1998]. Феномену экспрессивности посвящено большое количество исследований [Костомаров, 1999, Солганик, 2008, Николаева, 2012, Чернышова, 2013, Катермина, 2016, Клушина, 2008

и др.]. Экспрессия является динамической категорией, приобретающей все большее значение для текстообразования в разных форматах дискурса. Так, А. П. Сковородников считает, что мы «являемся свидетелями формирования нового газетно-публицистического стиля, в котором баланс двух его составляющих: стандарта и экспрессии – явно сдвигается в пользу экспрессивного начала» [Сковородников, 2003, с. 64]. Целью данной статьи является сопоставление репертуара средств, усиливающих экспрессивность текста, в двух форматах дискурса (в дискурсе художественной литературы и в публицистическом дискурсе), выявление динамики категории экспрессивности и ее потенциала, запрограммированного на современном этапе текстообразования.

Потенциал категории экспрессивности лежит, в первую очередь, в области усиления (интенсификации) воздействующего эффекта, реализуемого текстом. В художественном тексте интенсификаторы – это изобразительно-выразительные средства, усиливающие экспрессию текста и использующиеся для характеристики героев, создания художественных образов, портретных, пейзажных и иных описаний. Интенсификаторами могут быть не только слова, типа «громадный» (очень, исключительно большой) [Хазагеров, 1999, с. 175], но и единицы других уровней текстовой организации (синтаксического, композиционного, стилистического).

Сложнее обстоит дело в публицистике. Убедительность текста достигается в последней не только аргументами, которые служат для доказательства или опровержения тезиса (авторского мнения по поводу рассматриваемой в тексте проблемы), но и репертуаром других средств. Сама природа тезиса такова, что в публицистическом тексте он часто нуждается в дополнительном обосновании ввиду несоответствия требованиям истинности и четкой и точной формулировки мысли [Зарецкая, 1996, с. 114]. Тезис в публицистическом тексте может быть как эксплицитным, так и имплицитным (скрытым); понятийно, количественно и модально точным и неточным; он может находиться как в начале, так и в конце текста, а может быть уведен в подтекст. В свою очередь, аргументы могут быть для реципиента недостаточно убедительными (особенно это касается текстов, в которых преобладают аргументы «к делу», а не аргументы «к человеку»). Все это требует дополнительной интенсивности в обосновании тезиса путем использования экспрессивных возможностей языка, речи, текста и интертекста, а также невербальных средств языка. Попытаемся доказать сказанное на художественном и публицистическом материале.

Интенсификация в художественной литературе

Наиболее распространенной группой интенсификаторов являются суперлативы – качественные прилагательные со значением «высшей степени качества, присущего какому-либо лицу или предмету по сравнению с другими: *труднейшая из задач, талантливейший из писателей*»⁴ [Лукин, 1973, с. 67]. В качестве интенсификаторов могут выступать и сложные формы превосходной степени с тем же значением: *самый дорогой, наиболее близкий, светлее всех, нет прекраснее* и др. Такого рода интенсификаторы чаще используются в художественной литературе, чем в публицистике, наряду с другими средствами усиления экспрессии. Представим комплекс интенсифицирующих средств на примере романа М. А. Булгакова «Белая гвардия», текст которого отличается очень высокой степенью экспрессивности, характерной для литературы послереволюционных лет. Интенсификаторы являются неотъемлемой чертой идиостиля М. Булгакова. В частности, он широко использует их в характеристиках героев и в их портретах как оценочные средства, ср.:

**ИЗУМИТЕЛЬНАЯ, ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ДЕВУШКА...*⁵

**Братья вежливо промолчали, стараясь не поднимать брови. Младший из гордости, старший потому, что был ЧЕЛОВЕК-ТРЯПКА.*

**Ванда изменилась в лице и ответила:*

- Я знала, что ты ХАМ уже давно. Твое ПОВЕДЕНИЕ в последнее время ДОСТИГЛО ГЕРКУЛЕСОВЫХ СТОЛБОВ.

**Василиса был УЖАСЕН... Глаза Василисы были БЕЗУМНЫ И МУТНЫ, КАК У ОТРАВЛЕННОГО.*

**В первом человеке все было ВОЛЧЬЕ... Второй – ГИГАНТ, ЗАНЯЛ ПОЧТИ ДО ПОТОЛКА переднюю Василисы... На голове у него был шлык с объединенными молью ушами, на плечах серая шинель, и на НЕЕСТЕСТВЕННО МАЛЕНЬКИХ НОГАХ УЖАСНЫЕ СКВЕРНЫЕ ОПОРКИ.*

Интенсификаторы используются М. А. Булгаковым и для создания образа. Обратимся к интенсифицирующим средствам создания образа города, красной нитью проходящего через весь роман. К ним относятся не только лексические способы усиления экспрессии, но и грамматико-синтаксические конструкции.

⁴ Здесь и далее курсив наш. – Н.Р., Е.И., Е.Н.

⁵ Здесь и далее шрифт изменен нами. – Н.Р., Е.И., Е.Н.

*Написание существительного «город» с заглавной буквы – «Город», что увеличивает значимость последнего для российской истории и культуры.

*Суперлятивы:

Но лучше всего сверкал электрический белый крест в руках ГРОМАДНЕЙШЕГО Владимира на Владимирской горке...

ГУСТЕЙШИЙ снег шел четырнадцатого декабря 1918 года и застилал Город.

*Лексика со значением высшей степени качества:

Улицы курились дымкой, и скрипел сбитый ГИГАНТСКИЙ снег.

Они (сады) раскинулись всюду ОГРОМНЫМИ пятнами...

Один (мост) цепной, ТЯЖКИЙ Николаевский, ведущий в слободку на том берегу, другой – ВЫСОЧЕННЫЙ, стреловидный, по которому пробежали поезда...

*Метафоры:

Город РАЗБУХАЛ, ШИРИЛСЯ, ЛЕЗ, КАК ОПАРА ИЗ ГОРШКА.

Старые, сгнившие, черные балки парашета не преграждали пути прямо к обрывам на СТРАШНОЙ высоте.

Глубокою ночью УГОЛЬНАЯ ТЬМА легла на террасах ЛУЧШЕГО МЕСТА В МИРЕ – Владимирской горки.

Под Городом стреляли почему-то все лето, БЛИСТАТЕЛЬНОЕ и жаркое...

*Сопоставительные конструкции:

Он (звук) был НЕСЛЫХАННОГО ТЕМБРА – и не пушка и не гром, – но НАСТОЛЬКО СИЛЕН, что многие форточки открылись сами собой и все стекла дрогнули.

Город проснулся, СИЯЮЩИЙ, КАК ЖЕМЧУЖИНА В БИРЮЗЕ...

*Усилительные конструкции:

И было садов в Городе, КАК НИ В ОДНОМ ГОРОДЕ МИРА.

Зимой, КАК НИ В ОДНОМ ГОРОДЕ МИРА, упал покой на улицах и переулках...

НИ ОДНА ДУША в Городе, НИ ОДНА НОГА не беспокоила зимою многоэтажного массива. Кто пойдет на горку ночью, да еще в такое время?

*Выражения со значением количественного предела/беспредельности признака:

Цепочками, СКОЛЬКО ХВАТАЛО ГЛАЗ, как драгоценные камни, сияли электрические шары...

Кирпичные дорожки и аллеи были скрыты под НЕСКОНЧАЕНЫМ пухлым пластом нетронутого снега.

БЕЗДОННАЯ ВЫСОТА над городом...

*Выражения со значением предела действия:

Были видны неустанно мотающие свои отчаянные колеса машины, ДО КОРНЯ РАСШТАТЫВАЮЩИЕ САМОЕ ОСНОВАНИЕ ЗЕМЛИ.

*Конвергенция интенсифицирующих средств:

Одно всего освещенное место: стоит на СТРАШНОМ ТЯЖЕЛОМ ПОСТАМЕНТЕ уже сто лет чугунный черный Владимир и держит в руке, стоймя. ТРЕХСАЖЕННЫЙ КРЕСТ.

Над Днепром с ГРЕШНОЙ И ОКРОВАВЛЕННОЙ И СНЕЖНОЙ ЗЕМЛИ поднимался в ЧЕРНУЮ И МРАЧНУЮ ВЫСЬ ПОЛНОЧНЫЙ КРЕСТ Владимира. Издали казалось, что поперечная перекладина исчезла – слилась с вертикалью, и от этого КРЕСТ ПРЕВРАТИЛСЯ В УГРОЖАЮЩИЙ ОСТРЫЙ МЕЧ.

Интенсификация в публицистических текстах

Специфика современной публицистики определяется, по В. Г. Костомарову «конфликтом экспрессии и стандарта» [Костомаров, 1999]. Вслед за А. П. Сковородниковым мы считаем, что в последние годы наблюдается явный сдвиг в сторону экспрессии текста, которая достигается не только путем использования слов-интенсификаторов и возможностей речевой организации текста, но и посредством его структурного и интертекстуального потенциала. Обратимся к авторскому мнению, интенсифицированному посредством: а) заголовочного комплекса; б) речевой организации текста публикации; в) интертекстуальных аппликаций; г) комплекса указанных средств.

1. Интенсификация посредством заголовочного комплекса

К существенным чертам, определяющим содержание заголовка публикации, относятся «номинативность, связь с содержанием текста, способность давать произведению внешний выход, письменная фиксированность» [Прохорова, 2005, с. 6]. В свою очередь, «внешний выход» релевантен не только для заголовка, но и для заголовочного комплекса в целом и нацелен на формирование, изменение или коррекцию убеждений адресата, и автор делает все возможное для усиления воздействующего эффекта. В качестве иллюстрации приведем заголовочный комплекс публикации М. Панюкова «Не путайте туризм с эмиграцией» (Экспресс газета № 44/1289, 2019).

Негативно-оценочное мнение об эмиграции автор выражает в основном тезисе публикации (фрагмент лида): *Разумеется, есть много примеров удачного отъезда граждан России в западные страны. Но адресного – когда ценных специалистов ждут на конкретном месте работы или состоятельная родня. ЧТО КАСАЕТСЯ ОСТАЛЬНЫХ ИСКАТЕЛЕЙ ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ «ТАМ, ГДЕ НАС НЕТ», ИХ СУДЬБА ПОДЧАС ВЕСЬМА ПЕЧАЛЬНА.*

Эта точку зрения на эмиграцию интенсифицируется посредством всех элементов ЗК, имеющих одинаковую негативно-оценочную направленность повествования о жизни российских эмигрантов.

ЗАГОЛОВОК: *Не путайте туризм с эмиграцией*

ПОДЗАГОЛОВОК: *Бывшие россияне, поливающие грязью Родину в соцсетях, чаще всего жалкие лузеры.*

ВНУТРЕННИЕ ЗАГОЛОВКИ:

**США: ипотека-убийца*

**Сколько валят*

**Испания: выжмет до евроцента*

**Канада: оно вам точно надо?*

**Германия: для арабских беженцев*

ПОДПИСИ К ФОТОГРАФИЯМ:

**За бесплатной едой в богатейших Соединенных Штатах всегда очередь.*

**Типичная картина для юга Италии. Многолетняя черная грязь на тротуарной плитке... горы мусора, вонь и крысы. Собянина на них нет!*

ВСТАВКИ:

**Лучшие сдохнуть*

**Джениа Митчелл из Нью-Йорка получила счет в \$75 тыс. за налоговый после травмы гипс.*

**В Чехии, чтобы не нести непомерные расходы, регулятор отопления ставят на отметку максимально близкую к нулю. Простужаются, но экономят.*

В данном тексте интенсификация негативно-оценочной информации, репрезентированной в основном тезисе, происходит за счет графической составляющей текста, дифференцированного заголовочным комплексом, имеющие общую негативно-оценочную направленность.

2. Интенсификация посредством речевой организации основного текста

Проиллюстрируем интенсификацию тезиса на уровне речевой организации основного текста на примере статьи «Шок без терапии» – провал реформ Гайдара: что не учли и кто понес главный удар (<https://dzen.ru/a/ZyPnJE0AYH7iGG2f> 02 ноября 2024).

ТЕЗИС-МНЕНИЕ: *Реформы Гайдара обещали «шоковую терапию», но, похоже, забыли про саму «терапию». А как выжить без лечения? Вот так и жила Россия в условиях «шока» без намека на «терапию».*

Смысл «шок» интенсифицируется посредством группы речевых приемов:

**Языковая игра в заголовке, деформация оборота «шоковая терапия», который за прошедшие 30 лет приобрел устойчивый характер: «Шок без терапии».*

**Интенсифицирующие слова и выражения: главная геополитическая трагедия XX века; тяжелейшие последствия.*

**Смысловое поле «разрушение»: рухнул Советский Союз; финансовый крах; экономика рухнула; тотальное бедствие; экономический вакуум; это обернулось настоящей катастрофой, уничтожение парламента.*

**Смысловое поле «трагедия», формирующееся в том числе посредством восходящей градации: от шоковой терапии до экономического коллапса; разгул коррупции; катастрофические последствия, экономические потрясения, последствия оказались столь фатальными, трагизм тех лет.*

**Метафоризация текста (шоковая терапия – это буря): В 1993 году во время противостояния между президентом Борисом Ельциным и Верховным Советом вспыхнули массовые протесты, и Гайдар оказался в самом центре БУРИ; Условия, в которых должны были пройти реформы, обернулись настоящим ШТОРМОМ, в центре которого оказались простые граждане.*

**Оппозиция «богатые – бедные»: Экономика рухнула, БЕДНОСТЬ возросла, а люди потеряли последнюю веру в правительство.... По данным экономистов, в руки ОЛИГАРХОВ попала практически вся экономика страны. Более того, до 1995 года государственные активы были оценены в 5 миллиардов долларов, в то время как 5–7 человек уже контролировали 80% экономики.*

**Негативно-оценочные атрибуции: ЖЕСТОКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ; В глазах народа ГАЙДАР превратился ИЗ СПАСИТЕЛЯ В «КАТАСТРОФУ»; БЕЗУДЕРЖНОЕ РАЗГРАБЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ.*

**Парадоксальность, вторжение номинации в чужое смысловое поле: РЕФОРМЫ ГАЙДАРА представляли собой нечто вроде «БОЛЬШОГО ВЗРЫВА», после которого наступала длительная и трудная жизнь для большинства.*

В целом, совокупность указанных приемов речевой организации основного текста публикации интенсифицирует эффект усиленного ожидания, репрезентированный в заголовке. «Таким образом создается определенное напряжение текста – усиленное и все более усиливающееся внимание к речевому произведению» [Прохорова, 2005, с. 31].

3. Интенсификация посредством интертекстуальных аппликаций

Попытки усиливать авторское мнение интертекстуальными включениями предпринимались еще в публицистике и эссеистике начала XX века [см., например, Руженцева, 2001]. Широкое проникновение интертекстуальности в публицистику обусловлено, прежде всего, влиянием постмодернистской парадигмы письма, «когда признается лишь одна власть – власть языка, эти аллюзии, жанрово-сюжетные параллели, ссылки на инотексты, освоенные иной культурной средой, становятся авторитетными знаками, носителями истины, эпистемами» [Сметанина, 2002, с. 93]. Механизм интенсификации связан с отбором знаков культуры (литературных и исторических аллюзий, прецедентных имен, ситуаций и других культурных маркеров), их комбинированием и вторичным использованием. Проиллюстрируем сказанное на примере статьи А. Угланова «Когда Россия и Китай не по зубам, отыграемся на Дании, Норвегии. Британии»

(Аргументы недели, № 2/950, 15. 01. 2025), в которой авторское мнение об отношениях США и Дании как хозяина и слуг интенсифицируется посредством параллелей с текстом В. Шекспира:

ТЕЗИС-МНЕНИЕ: В начале каждого года западные блогеры активно обсуждают – кто будет главными неудачниками, или, как в Америке говорят, лузерами 2025 года. И называют двух: Данию и Украину. Здесь важно распределение ролей для такой оценки. Ясное дело, что хозяин у них один – США. Они – слуги. Датчане, к примеру, такие слуги, которые выполняют вообще все приказы. И никакой награды им за это не полагается.

Интенсификация тезиса-мнения посредством литературных аллюзий:

В последний раз у Дании хоть какая-то воля была у принца датского Гамлета. Хотя он и вымышленный персонаж, но все же пытался сопротивляться, когда его дядя замочил его папу и отжал у Гамлета престол вместе с царством и королевой. И Гамлет ничего поделать не мог, кроме как прикинуться сумасшедшим, чтобы затаиться и отомстить родному дяде.

Кончается тем, что всех убили и власть в королевстве Датском перешла к норвежцу Фортинбрасу. В нашем случае перейдет к Трампу, который появился, аккурат когда европейцы друг с другом перегрызлись, хотя и не показывают вида. У Шекспира иностранец Фортинбрас якобы пришел выручать принца датского. На самом деле – чтобы отжать Данию себе.

Вот финальная реплика Фортинбраса, то есть Дональда Трампа в современном исполнении:

Поспешим услышать

И созовем знатнейших на собрание.

А я, скорбя, свое приемлю счастье;

На это царство мне даны права,

И заявить их мне велит мой жребий.

После чего труп принца датского Гамлета с почетом уносят вперед ногами.

Отжали у них, короче, все! Дания в пьесе Шекспира умерла. Вот и сегодня она движется в том же направлении. Некому там сопротивляться. Датчане – конкретно, это главные лузеры.

4. Комплексная интенсификация тезиса

Чаще всего усиление тезиса (авторского мнения) достигается комплексным путем. В качестве иллюстрации можно использовать публикацию В. Кима «Благодарите Россию, вашу мать» (Экспресс газета / Мега экспресс, № 4/ 1301, 03 февраля 2023). Интенсификация тезиса (суждения о российской помощи другим странам мира и постсоветского пространства) достигается структурной однородностью текста (композиционными повторами) и конвергенцией однотипных средств: одинаковыми подзаголовками (наименованиями стран), прецедентными антропонимами (именами российских правителей, полководцев и т.д.), лексикой, принадлежащей к смысловому полю Россия, а также использованием цифровой информации (точных дат). В качестве иллюстрации приведем в сокращении структуру и отдельные фрагменты текста.

ТЕЗИС: На протяжении своей истории наша страна безвозмездно подарила независимость очень многим народам. Причем зачастую дарила им свои земли с построенной инфраструктурой.

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ

США

Получили свою независимость благодаря позиции Екатерины II в 1780 году. Царица поддержала Североамериканские Соединенные Штаты в войне против Великобритании.

Италия

Отвоевана русской армией во главе с Александром Суворовым у французов в результате итальянского похода в 1799 году.

Финляндия

Не имела государственности до XX века. Отсталые финские племена вошли в состав империи после поражения Швеции в очередной русско-шведской войны 1808–1809 гг. Финнам сразу же дали широкую автономию... Вдобавок Александр I отдал в пользование новым подданным Шведскую Лапландию, завоеванную еще Петром I... После Октябрьской революции добрый дедушка Ленин отпустил их на все четыре стороны вместе с землей, заводами и пароходами.

Болгария, Сербия, Черногория, Македония

Родились в результате победы в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Польша, Чехия и Словакия

До XX века входили в состав Австро-Венгрии. Петербург поддерживал у этих народов панславизм – политическую платформу, цель которой объеди-

нить славян в одной стране. Движение сформировалось после окончания наполеоновских войн в 1815 году.

Монголия

Стала народной республикой в 1921 году благодаря нашим войскам. До окончания Второй мировой единственным государством, признавшим ее независимость, был СССР.

Германия и Австрия

Остались независимыми странами благодаря позиции Сталина на переговорах с США и Англией. Причем немцы и сегодня жили бы на две страны – ФРГ и ГДР, если бы не генсек Горбачев, позволивший им совершенно безвозмездно объединиться...

Латвия, Литва и Эстония

Дикие и необразованные племена вошли в состав Российской империи после того, как Петр I заплатил шведам за эти земли два миллиона рублей, что в нынешних ценах больше \$300 млрд. До этого прибалты были фактически бесправными рабами немецких и шведских господ.

Армения, Азербайджан и Грузия

В начале XIX века в Петербурге решили на отвоеванных у Персии землях организовать для христианского населения Закавказья свою область, где бы оно жило компактно, а империя имела возможность его защищать. Потом эти земли гостеприимно приютили беженцев из Османской империи...

Украина

До 1917 года не упоминалась ни в одной энциклопедии. И должна быть благодарна Ленину, причастному к созданию из малороссийских и новороссийских областей отдельной республики... Позже Сталин присоединил к Украине Галичину, Закарпатскую область...

Белоруссия

До XX века считалась Западной Россией, земли которой в разные периоды попадали под власть Польши и Литвы... После развала СССР Белоруссия стала независимой страной...

Казахстан и его соседи

Появились после того, как Советская власть подарила азиатским племенам земли, по которым те кочевали. Южная Сибирь сначала досталась новообразованной Киргизской АССР в составе РСФСР, а потом попала в самостоятельную Казахскую ССР.

В связи с однотипностью текстовой ткани данной публикации можно утверждать, что в основе интенсификации лежит широкое использование ПОВТОРОВ как «группы композиционных приемов», которая «служит выделению и акцентированию наиболее важных, особенно значимых моментов и звеньев предметно-речевой ткани произведения» [Хализев, 1999, с. 263].

Сопоставление художественного и публицистического текстов позволяет сделать вывод о том, что интенсификаторы в художественной литературе – это преимущественно атрибутивы, которые выполняют изобразительно-выразительную функцию усиления признака, действия, состояния и иных предметно-процессуальных составляющих высказывания. Интенсификаторы в художественном тексте имеют преимущественно языковую, речевую и текстовую природу.

Интенсификаторы в публицистике выполняют воздействующую функцию дополнительного обоснования мнения. Интенсификация служит для трансляции авторской точки зрения, наряду с аргументами в защиту или опровержение тезиса. Кроме языковых и речевых средств усиления воздействующего эффекта, интенсификация последнего имеет интертекстуальную и полисемиотическую природу, так как достигается и вербальным, и визуальным рядом сообщения, а также структурой заголовочного комплекса.

Динамика развития категории экспрессивности определяется, во-первых, процессами, происходящими в публицистике. Это увеличение дискретности публицистического текста (возрастание роли заголовочного комплекса и визуального ряда, имеющих дополнительные потенциальные экспрессивные возможности). Во-вторых, динамические процессы, связанные с данной категорией, обусловлены все возрастающей стилиевой свободой журналиста, смешением стилиевых систем, включением большого количества разговорно-просторечных элементов, нивелировкой типов речи, и жанровой амальгамой. В-третьих, указанные динамические процессы детерминированы влиянием постмодернизма, типичной чертой которого является вторичное использование знаков культуры, которые включаются в авторский текст с целью приближения читателя к мироощущению его создателя.

Потенциал развития категории экспрессивности связан, во-первых, с усилением воздействующего эффекта в публицистических текстах, представленных в печатных и электронных СМИ, распространением в публицистике тренд-тенденций и стиля «гранж». Во-вторых, мы считаем, что развитие кате-

гории экспрессивности будет определять Интернет-дискурс, и прежде всего – жанры блога, комментария и социальные сети. В текстах этого рода высокая степень экспрессивности во многом детерминирована анонимностью автора, а отсюда – его раскрепощенностью и стремлением к самоутверждению. Публицистические тенденции и специфика Интернет-дискурса, несомненно, найдут свое продолжение в литературном творчестве, которое перманентно стремится к обновлению средств выражения мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Болотнова, Н. С.** Основы теории текста: учебное пособие / Н. С. Болотнова. – Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 1999. – 100 с.
2. **Зарецкая, Е. Н.** Риторика: Теория и практика речевой коммуникации / Е. Н. Зарецкая. – Москва: Дело, 1998. – 480 с.
3. **Клушина, Н. И.** Особенности публицистического стиля / Н. И. Клушина // Язык средств массовой информации: учебное пособие / под ред. М. Н. Володиной. – Москва: Академический проект; Альма Матер, 2008. – С. 479–495.
4. **Костомаров, В. Г.** Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – Санкт-Петербург: Златоуст, 1999. – 320 с.
5. **Лукин, М. Ф.** Морфология современного русского языка: учебное пособие / М. Ф. Лукин. – Москва: Изд-во МГЗПИ, 1973. – 231с.
6. **Николаева, А. В.** Треш-тенденции в русской политической публицистике // Язык СМИ и политика: коллективная монография / А. В. Николаева; под ред. Г. Я. Солганика. – Москва: Изд-во МГУ, 2012. – С. 547–566.
7. **Прохорова, К. В.** Газетный заголовок: проблемы и функциональные возможности: учебное пособие / К. В. Прохорова. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2005. – 80 с.
8. **Руженцева, Н. Б.** Прагматическая и речевая организация русского литературно-критического эссе XX века / Н. Б. Руженцева. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2001. – 312 с.
9. **Сковородников, А. П.** Расширение фигуральных возможностей языка современной российской газеты / А. П. Сковородников // Русский язык сегодня: сб. научных работ. Вып 2 / отв. ред. Л. П. Крысин. – Москва: Азбуковник, 2003. – С. 60–72.
10. **Сметанина, С. И.** Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. – Санкт-Петербург: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 383 с.

11. **Солганик, Г. Я.** О языке и стиле газеты / Г. Я. Солганик // Язык средств массовой информации: учебное пособие / под ред. М. Н. Володиной. – Москва: Академический проект; Альма Матер, 2008 – С. 471–478.
12. **Телия, В. Н.** Лексические модусы экспрессивности / Е. Н. Телия // Язык как коммуникативная деятельность человека: сб. научных работ. Вып. 284 / под ред. Е. И. Шендельс. – Москва: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореза. – С. 14–26.
13. **Хаззагеров, Т. Г.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов / отв. ред. Е. И. Шендельс / Т. Г. Хаззагеров, Л. С. Ширина. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 320с.
14. **Хализов, В. Е.** Теория литературы: учебник / В. Е. Хализов. – Москва: Высшая школа, 1999. – 398 с.
15. **Чернышова, Т. В.** Типологические признаки текстов дискредитирующего типа в политическом медиадискурсе / Т. В. Чернышова // Политическая коммуникация: сб. научных работ / под ред. А. П. Чудинова. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2013. – С. 356–362.
16. **Шаховский, В. И.** Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология): коллективная монография / В. И. Шаховский, Ю. А. Сорокин, И. В. Томашева. – Волгоград: «Перемена», 1998. – 148 с.

REFERENCES

1. **Bolotnova, N. S.** Osnovy teorii teksta: uchebnoe posobie / N. S. Bolotnova. – Tomsk: Izd-vo Tomsk. gos. ped. un-ta, 1999. – 100 s.
2. **Chernyshova, T. V.** Tipologicheskie priznaki tekstov diskreditiruyushchegotipav politicheskommediadiskurse /T. V. Chernyshova //Politicheskaya komunikaciya: sb. nauchnyh rabot / pod red. A. P. Chudinova. – Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU, 2013. – S. 356–362.
3. **Khazagerov, T. G.** Obshchaya ritorika: Kurs lekcij; Slovar' ritoricheskikh priemov / otv. red. E. I. Shendel's / T. G. KHazagerov, L. S. Shirina. – Rostov n/D: Feniks, 1999. – 320 s.
4. **Khalizev, V. E.** Teoriya literatury: uchebnik / V. E. Khalizev. – Moskva: Vysshaya shkola, 1999. – 398 s.
5. **Klushina, N. I.** Osobennosti publicisticheskogo stilya / N. I. Klushina // Yazyk sredstv massovoj informacii: uchebnoe posobie / pod red. M. N. Volodinoj. – Moskva: Akademicheskij proekt; Al'ma Mater, 2008. – S. 479–495.
6. **Kostomarov, V. G.** Yazykovej vkus epohi: iz nablyudenij nad rechevoj praktikoj mass-media / V. G. Kostomarov. – Sankt-Peterburg: Zlatoust, 1999. – 320 s.

7. **Lukin, M. F.** Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka: uchebnoe posobie / M. F. Lukin. – Moskva: Izd-vo MGZPI, 1973. – 231 s.
8. **Nikolaeva, A. V.** Tresh-tendencii v russkoj politicheskoy publicistike // Yazyk SMI i politika: kollektivnaya monografiya / A. V. Nikolaeva; pod red. G. Ya. Solganika. – Moskva: Izd-vo MGU, 2012. – S. 547–566.
9. **Prohorova, K. V.** Gazetnyj zagolovok: problemy i funkcional'nye vozmozhnosti: uchebnoe posobie / K. V. Prohorova. – Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGU, 2005. – 80 s.
10. **Ruzhenceva, N. B.** Pragmaticheskaya i rechevaya organizaciya russkogo literaturno-kriticheskogo esse XX veka / N. B. Ruzhenceva. – Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU, 2001. – 312 s.
11. **Shahovskij, V. I.** Tekst i ego kognitivno-emotivnye metamorfozy (mezhkul'turnoe ponimanie i lingvoekologiya): kollektivnaya monografiya / V. I. Shahovskij, Yu. A. Sorokin, I. V. Tomasheva. – Volgograd: «Peremena», 1998. – 148 s.
12. **Skovorodnikov, A. P.** Rasshirenie figural'nyh vozmozhnostej yazyka sovremennoj rossijskoj gazety / A. P. Skovorodnikov // Russkij yazyk segodnya: sb. nauchnyh rabot. Vyp. 2 / otv. red. L. P. Krysin. – Moskva: Azbukovnik, 2003. – S. 60–72.
13. **Smetanina, S. I.** Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskie processy v yazyke i stile zhurnalistiki konca XX veka) / S. I. Smetanina. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Mihajlova V. A., 2002. – 383 s.
14. **Solganik, G. Ya.** O yazyke i stile gazety / G. Ya. Solganik // Yazyk sredstv massovoj informacii: uchebnoe posobie / pod red. M. N. Volodinoj. – Moskva: Akademicheskij proekt; Al'ma Mater, 2008 – S. 471–478.
15. **Teliya, V. N.** Leksicheskie modusy ekspressivnosti / E. N. Teliya // Yazyk kak kommunikativnaya deyatel'nost' cheloveka: sb. nauchnyh rabot. Vyp. 284 / pod red. E. I. Shendel's. – Moskva: Izd-vo MGPIIYa im. M. Toreza. – S. 14–26.
16. **Zareckaya, E. N.** Ritorika: Teoriya i praktika rechevoj kommunikacii / E. N. Zareckaya. – Moskva: Delo, 1998. – 480 s.